

ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА ГРИВА

аспирант кафедры русского языка и речевой культуры Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)
griwa.olga@yandex.ru

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ VS МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ-СВЯЗКИ

Исследование посвящено проблеме тождества и различия служебных компонентов составного (аналитического) сказуемого: вспомогательного глагола и глагола-связки. Объект исследования ограничен теми компонентами именного и глагольного сказуемого, которые выражают модальные значения. Интерес к данным единицам определяется тем, что их модальные значения, с одной стороны, находятся в разных плоскостях, но, с другой стороны, во взаимодействии они создают комбинированное модальное значение предиката. Впервые ставится вопрос о сочетаемости данных модальных единиц, в том числе о наличии запретов на сочетаемость модальных значений. Как показывает исследование, рассматриваемые служебные компоненты отличаются позиционно, функционально и семантически. В статье описаны некоторые ограничения на их сочетаемость, в частности, типовое значение предложения, семантика подлежащего (личный – неличный деятель), конкретное модальное значение вспомогательного глагола и связки.

Ключевые слова: модальность, трансформации, модификации, модальные глаголы, модальные связи

Категории модальности посвящено значительное количество научных работ отечественных и зарубежных лингвистов (например, П. Адамец [1], В. В. Виноградов [3], И. Е. Герасименко [4], Г. А. Золотова [5], П. А. Лекант [6], И. Г. Осетров [7], А. М. Пешковский [8], Д. В. Руднев [11], С. Н. Цейтлин [14], С. В. Чернова [15] и др.), однако исследовательский интерес к ней не ослабевает. Многоаспектность модальности предполагает различные определения данной категории, детальное описание типов модальных значений, а также языковых средств, с помощью которых она эксплицируется. Тот факт, что модальные характеристики предложения весьма разнородны и зачастую «наславиваются друг на друга» [1: 88], неоднократно отмечался в исследованиях. Сказуемое, как центральный компонент предложения, являющийся носителем модальных значений, выражает модальность и грамматическими, и лексическими средствами, причем к последним относятся различные группы модальной лексики (частицы, связочные глаголы, модальные глаголы, предикативы). Вопрос о взаимодействии разноплановых модальных значений в сказуемом, выражаемых различными модальными компонентами (модификаторами), представляется интересным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Регулярными средствами реализации модального плана сказуемого и предложения в целом являются модальные глаголы и модальные связи. Данные элементы оформляют модальность предиката (предикатную модальность), которая определяется как «оценка отношений между пре-

диктивным признаком и его носителем» [10: 129]. Возникает вопрос об определении статуса этих единиц, сравнении их функций и о совместимости разных модальных значений в пределах одного сказуемого.

Сказуемое с модальным глаголом или с модальной связкой является аналитическим. Модальные глаголы и модальные связи относятся к служебным (вспомогательным, неполнозначным) компонентам, поскольку выполняют грамматические функции. Традиционно принято определять служебный элемент глагольного сказуемого как вспомогательный, а служебный компонент именного сказуемого как связку. Однако в ряде работ эти служебные компоненты терминологически объединяются. Так, например, Ю. Г. Скиба утверждает, что связка есть компонент любого составного сказуемого, что нет нужды в дифференциации вспомогательных глаголов глагольного сказуемого и связок именного сказуемого, так как «в составе предиката они выполняют одну и ту же логико-грамматическую функцию связи» [13: 10]. На наш взгляд, такое терминологическое смешение неоправданно, поскольку наблюдается принципиальное различие и в функциях этих служебных компонентов, и в их значениях. В рамках данной статьи мы обратимся только к тем служебным компонентам сказуемого, которые проявляют модальное значение, то есть к модальным глаголам (*хотеть, желать, мочь* и др.) и модальным связкам (*казалось, оказалось, считаться, притворяться, прикидываться* и др.).

История модальных связок в русском языке XVIII–XX веков, рассмотренная в работах Г. Н. Акимовой, Н. Ю. Шведовой, С. Ю. Камышевой, Д. В. Руднева, связана с двумя важнейшими тенденциями: с ростом числа модальных глаголов-связок, обусловленным необходимостью выразить модусные оттенки авторизации, и с качественными изменениями в системе связочных глаголов. Такие изменения проявились в закреплении отдельных глаголов в роли модальных связок (*казаться, оказаться, считаться* и др.), а также в формировании двух принципиально противопоставленных друг другу значений модальных связок: *мнимости* (*кажимости*) и *обнаруженной подлинности* (*эмергенциальности*) [12: 81].

Общность лексико-грамматической функции связи модальных глаголов и модальных связок проявляется в том, что оба этих компонента определяют грамматическую оформленность предложения, то есть служат грамматическими показателями предикативных (модально-временных) значений, а также являются грамматическим посредником между подлежащим и вещественным компонентом сказуемого: *Он хочет спать. Она казалась красавицей.* Однако причины появления этих компонентов в сказуемом принципиально различны. Связка – обязательный служебный компонент именного сказуемого, ее присутствие в сказуемом обусловлено тем, что именные части речи не могут самостоятельно выразить предикативные категории. По замечанию П. А. Леканта, идеальная связка *быть* или глагольные связки берут на себя формальные функции глагола [6: 73]. Именное сказуемое – обязательно составное, аналитическое, в том числе и с нулевой формой связки *быть*.

В отличие от именного сказуемого глагольное сказуемое не нуждается в связке, поскольку предикативное значение реализуется самим полнозначным глаголом. Причины появления вспомогательных компонентов (фазисного или модального) связаны с потребностью в развернутом выражении отношения к действию.

Модальный глагол осложняет сказуемое или, по словам В. В. Виноградова, «своим лексическим значением выражает модальность другого глагола, облеченного в форму инфинитива» [3: 64]: *Уперся и не хочет давать показаний из ложного чувства товарищества* (Ю. Трифонов). Модальный глагол – дополнительный элемент, который можно ввести практически в любое глагольное предложение, тем самым изменив его модальную семантику. Так, простое предложение *Я рисую* может быть трансформировано в *Я хочу рисовать / Я могу рисовать / Я желаю рисовать* и т. д. Обратимся к вопросу о трансформациях ниже.

Таким образом, компоненты именного и глагольного предикатов выполняют различные

функции: формирование сказуемого и осложнение его семантики. На основании этого можно заключить, что это разные синтаксические элементы, с разной служебной функцией, и это должно отражаться терминологически.

Другим аргументом для объединения рассматриваемых элементов в один класс является их неполнозначность (вспомогательность), проявляющаяся в неспособности самостоятельно выражать предикативный признак. Но и в этом отношении модальные глаголы и модальные связки ведут себя по-разному.

Модальные глаголы, безусловно, имеют лексическое значение, ради которого они и употребляются в аналитическом сказуемом. В «Словаре лингвистических терминов» данные слова определяются как глаголы со значением возможности, долженствования, желания, то есть глаголы, выражающие отношение говорящего к содержанию высказывания¹.

Более того, некоторые модальные глаголы могут употребляться самостоятельно (правда, с облигаторным второстепенным членом предложения). Например, *Я хочу новую машину; Ребенок хочет мороженое.* Возможно, такое употребление модальных глаголов объясняется пропуском полнозначного глагола: *Я хочу (купить) новую машину; Ребенок хочет (получить, съесть) мороженое.* Заметим, что оптативная семантика сохраняется в любом употреблении глагола *хотеть*.

Отвлеченность семантики глагола-связки есть результат грамматикализации вещественного значения полнозначного глагола. Выступая в роли связки, полнозначный глагол теряет категориальное значение процессуальности. А. М. Пешковский писал, что связка лишена вещественного значения, она соответствует «одной формальной стороне глагольного сказуемого» [8: 199]. Однако в отличие от связки *быть*, характеризующейся в высшей степени отвлеченным значением, модальные связки сохраняют часть своей знаменательности, что и позволяет им выступать в роли связочных модификаторов модальной семантики предиката.

Мы полагаем, что нельзя полностью отрицать существование собственной лексической семантики у связок, поскольку замена связки, при условии сохранения именного компонента, приводит к изменению смысла высказывания. Так, модальное значение самовосприятия по-разному реализуется в связках *чувствовать себя* и *вообразить себя*:

Каждый сам копался, открывал, ахал, ошибался, спрашивал, **чувствовал себя исследователем** (Д. Гринин); Муня Блохин... вдруг **вообразил себя великим актером** (К. Чуковский).

В первом примере глагольная связка указывает на внутреннее состояние субъекта, испытываемые им психологические ощущения. Во

втором примере при той же форме именной части предиката добавляется эмоциональная оценочная коннотация: субъект осуждается говорящим за неоправданно высокую самооценку.

Некоторые модальные связки вступают в отношения омонимии с полнозначными глаголами, лишенными модального значения: *Он считался лучшим тренером по боксу – Он считается с моим мнением*.

Различная природа модальных глаголов и модальных связок отражается и в различии их модальных значений. Заметим, что данные единицы не проявляют синонимию значений. Модальные значения, выражаемые глаголами-связками, представляют собой оценку отношений «предмет – признак» в аспекте подлинности / мнимости (кажимости). Эта оценка «дается с точки зрения говорящего, “со стороны”, а не от имени самого субъекта» [6: 89]. Модальные компоненты глагольного сказуемого выражают оценку действия со стороны активного субъекта – деятеля (*Я хочу гулять. Я могу читать*). В этом заключается наиболее существенное отличие модальных связок от модальных глаголов, формирующих модальность предиката.

Разнородность данных модальных значений определяет то, что предложения с глагольными и именными сказуемыми имеют разные модальные парадигмы, основанные на модальных трансформациях. Понятие трансформации, то есть некого преобразования ядерного предложения на основе какой-либо одной характеристики, подробно описал П. Адамец [1]. Предложения имеют различные трансформации в зависимости от того, какая их характеристика меняется. При изменении модального плана предложения возникают модальные трансформации, или модификации. При этом новый вариант предложения П. Адамец называет модификатором, а модальные глаголы – модификаторами [1: 89].

Г. А. Золотова определяет модальные глаголы как волюнтивные модификаторы, «усложнители предиката» и отмечает их невозможность выступать в роли самостоятельного сказуемого. Эти «усложнители» выражают модальное отношение между субъектом и предикативным признаком или модальную волю другого субъекта. В первом случае они становятся вспомогательным элементом в составе предиката, во втором – сигнализируют о полипредикативности конструкции [5: 70].

Волюнтивные модификаторы реализуют три основных модальных значения, связанных с волей субъекта: долженствование, желательность и возможность. В. В. Виноградов сближал данные модальные значения по функциональной семантике с глагольными наклонениями [3: 65]. Они могут быть выражены различными грамматическими формами: глаголами (*хотеть, мочь*), краткими прилагательными (*должен, обязан*), словами категорий состояния (*надо, нужно, нельзя, можно, следует*), причастиями и деепричастиями (*пытаяющиеся, желая*) и т. д. Введение

данных модификаторов в предложение создает модальную парадигму предложения.

В работах по парадигматике предложения используются различные термины: трансформации, модификации, вариации, субпарадигмы, парадигматические ряды и т. д. Детальный анализ данных терминов и стоящих за ними подходов представлен в работе И. А. Антоновой [2]. Варианты предложений с модальными элементами именуются «модификациями» (по Г. А. Золотовой), «субпарадигмами» (по Д. Уорфу), «парадигматическими рядами» (по Т. П. Ломтеву) или «внутренними трансформациями» (по Е. А. Седельникову). Все перечисленные термины обозначают одно грамматическое явление – преобразование предложения, предполагающее «изменение модального или фазисного значения» посредством введения нового элемента – модификатора [2: 81].

Универсальность таких модификаций проявляется в том, что модальные глаголы-модификаторы могут быть введены в предложение как с глагольным, так и с именным сказуемым: *Я (хочу, могу, желаю, обязуюсь) учиться – Я (хочу, могу, желаю, обязуюсь) быть прилежным*. Модальные модификации предложений с именным сказуемым активизируют в значении пассивного предикативного признака сему «процессуальности» мотивационной деятельности. Обычно это предложения с одушевленным субъектом (человеком). Значения модальных глаголов сопряжены с семантикой замысла, личного интереса, осмыслиения возможности или необходимости признака [15]:

Значит, я все же хитрый, раз **хочу быть хитрым** (Р. Ивнев); И если я **могу быть сильным**, то зачем мне быть слабым?! (В. Ремизов).

В отличие от глагольного сказуемого именное сказуемое обладает еще одной модальной парадигмой, основанной на модификаторах другого типа – модальных связках. К модальным связкам относят связки, с помощью которых выражается субъективность восприятия предикативного признака (*казаться, слить, считаться, почитаться, представляться* и др.). Модальные значения связок подробно описаны в монографии Л. В. Поповой [10].

Различие в модальных значениях данных парадигм создает возможность для комбинаций модальных значений, то есть для «сложных модальных парадигм». Обращаясь к синтагматическим возможностям модальных модификаторов, отметим два интересных, на наш взгляд, момента: во-первых, сочетание в одном сказуемом двух модальных глаголов с разным значением; во-вторых, комбинации модальных глаголов и модальных связок в именном сказуемом.

Сочетаемость разных модальных модификаторов с волюнтивным значением представляет так называемые комбинированные модификаторы (П. Адамец):

Я могу захотеть сказать что-то и, не сказав, умру (М. Мамардашвили); И тем не менее я **смогу, я должен смо́чь** (Р. Гуль).

Модальный глагол *могу* выражает значение возможности, глагол *захотеть* – желательности, а краткое прилагательное *должен* формирует долженствовательную семантику. Комбинирование модальных значений требует детального описания, выявления запретов на сочетаемость, обусловленных не только модальным значением модификатора, но и видо-временными характеристиками или порядком слов. Ср., например, возможность модификата *Я могу захотеть сказать* и невозможность *Я (за)хочу смо́чь сказать* (по данным ruscorpora.ru, нет ни одного примера такого предложения).

В именном сказуемом не наблюдается комбинирование двух и более модальных связок, что свидетельствует о том, что модальное значение связок, главным образом, выражает одно значение – субъективность восприятия предикативного признака, а именно недостоверность признака.

Комбинация двух принципиально разных модификаторов – модального глагола и модальной связки – в именном сказуемом приводит к тому, что в рамках одного предложения проявляется оценка и деятеля (субъекта действия), и говорящего (наблюдающего субъекта): в первом случае речь идет о модально-волюнтивной оценке (значение желательности, долженствования, необходимости или возможности), во втором – говорящий оценивает подлинность / кажимость ситуации:

Окружена поклонников толпой // Зачем для всех **казаться хочешь милой...** (А. Пушкин); Ведь и лицо **может превратиться в маску**, и маска может стать теплой плотью (И. Эренбург); Он знал, что не вернется с войны, и не **хотел выглядеть жертвой** (Ю. Нагибин).

Сочетание модальных модификаторов усиливает активность деятеля в формировании предикативного признака.

Несмотря на возможность взаимодействия глаголов и связок, нельзя утверждать полную свободу их комбинаций. Одной из причин ограничения сочетаемости являются типовое значение предложения и семантика подлежащего. Поскольку волюнтивные глаголы выражают позицию активного субъекта, можно предположить невозможность их сочетаемости со связками именного сказуемого при неличном субъекте: *День казался бесконечным*. Однако такие комбинации зафиксированы в НКРЯ, причем использование модификатора *может* при неличном субъекте дает несколько иной результат, чем при личном субъекте. В частности, может проявляться значение гипотетичности, предположительности или невозможности:

И как это лицо **может казаться незначительным!** (А. Белый); На первый взгляд это обстоятельство **может казаться загадочным** (Л. Н. Толстой); Такая черта не одной нашей, но и всякой другой публике **не может не показаться странной** (Н. Г. Чернышевский).

В художественном тексте модальный глагол с волюнтивным значением приписывает неличному или неодушевленному субъекту способность к мотивационной деятельности, то есть создает олицетворение:

Но кисть художника **умеет быть и злой** (С. Дангулов); Она **умеет быть кроткой**, эта песня тирольца... Она **может быть также грозной** (К. Бальмонт).

Комбинированная модальная парадигма предложений с именным сказуемым может осложняться количественно, но только при участии модальных модификаторов.

Он все хочет казаться. Он **не может не хотеть казаться**. И добро бы только другим (И. Анненский).

Существуют и другие ограничения, однако вопрос об условиях взаимодействия модальных глаголов и модальных связок требует отдельного рассмотрения.

Таким образом, модальные глаголы и модальные глаголы-связки, являясь служебными компонентами составного сказуемого, обнаруживают принципиальные отличия – функциональные, лексико-семантические, позиционные, парадигматические. Данные элементы можно отнести к модальным модификаторам предложения, но модальные глаголы-модификаторы являются универсальными модификаторами предложения с любым типом сказуемого, а модальные связки создают модификаты предложений только с именным сказуемым. И те, и другие являются средством выражения разных аспектов предикативной модальности.

Значения модальных глаголов сближаются со значением глагольного наклонения (желательность, необходимость, долженствование), значение модальных связок в большей степени «вещественно», оно основано на оценочном значении, включая рациональную, интеллектуальную, эмоциональную оценку. В семантическом аспекте рассматриваемые лингвистические феномены отличаются способом отражения бытия: модальные глаголы описывают событие, процесс с позиции его участника, модальные связки характеризуют отношения между субъектом и предикатом, определяя их с точки зрения подлинности-мнимости, а точкой отсчета становится позиция говорящего.

Различная природа рассматриваемых единиц дает возможность для их взаимодействия, в результате которого создается сложное комбинированное модальное значение предложения. Вопрос о соотношении значений модальных модификаторов (глагольных и неглагольных) и модальных связок, с учетом и других средств выражения модальных значений, типового значения предложения, а также аспектуальных, темпоральных характеристик предиката, несомненно, имеет и теоретическую, и практическую значимость (в частности, в практике преподавания русского языка как иностранного) и заслуживает детального изучения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru> (дата обращения 12.11.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // *Ceskoslovenska rusistika*. Прага, 1968. Вып. 13. № 2. С. 88–94.
2. Антонова И. А. К вопросу о синтаксической парадигме. Парадигма предложений со значением эмоционального состояния/отношения в русском языке // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2001. Вып. 19. С. 78–87.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.
4. Герасименко И. Е. Субъективная модальность и вторичные наименования // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 11. С. 93–95.
5. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г. А. Золотовой. М., 2004. 544 с.
6. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. 141 с.
7. Осетров И. Г. Аспекты синтаксической модальности простого предложения в современном русском языке: Монография. Ульяновск: УлГПУ, 2013. 132 с.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.
9. Попова Л. В. О месте связи в грамматической системе русского языка // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 215–218.
10. Попова Л. В. Связка в грамматической системе русского языка. Архангельск: КИРА, 2012. 304 с.
11. Руднев Д. В. Модальные глаголы-связки и их роль в формировании семантики опорных слов сложноподчиненного предложения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 9. Вып. 1. С. 128–133.
12. Руднев Д. В. Модальные связи со значением обнаружения в истории русского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 9. Вып. 2. С. 80–93.
13. Скиба Ю. Г. Предикативная связка как служебное слово в русском и славянском языках: Лекция по спецкурсу. Черновцы, 1970. 52 с.
14. Цейтлин С. Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 142–156.
15. Чернова С. В. Модальные глаголы в современном русском языке: Семантическая модель «замысел – осуществление замысла»: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 35 с.

Griva O. E., Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russian Federation)

MODAL VERBS VS MODAL COPULA VERBS

The article is devoted to the problem of the identity and difference of modal components of the analytical predicate: the modal verb and the modal copula-verb. The modal values of these components, their role in the organization of the predicate, as well as the compatibility of different modal values within a single predicate are analyzed. It is argued that the phenomena in question cannot be identified because they differ functionally and semantically. The novelty of the research is determined by the reference to the question of the compatibility of the modal verb and the modal copula verb. The difference of the functions implies their free combination in one nominal predicate. However, restrictions on their compatibility are conditioned by the typical value of the sentence, subject to semantics, specific modal meaning of the verb and the copula.

Key words: modality, transformations, modifications, modal verbs, modal copulas

REFERENCES

1. Adamec P. To the question about modifications (modal transformation) with the meaning of necessity and possibility. *Ceskoslovenska rusistika*. Praha, 1968. Issue 13. № 2. P. 88–94. (In Russ.)
2. Antonova I. A. The question of the syntactic paradigm. The paradigm of sentences with the value of the emotional states/relationships in the Russian language. *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya*. 2001. Issue 19. P. 78–87. (In Russ.)
3. Vinogradov V. V. Selected works. Studies on Russian grammar. Moscow, 1975. 560 p. (In Russ.)
4. Gerasimenko I. E. Subjective modality and secondary names. *Mezhdunarodny nauchny zhurnal "Innovatsionnaya nauka"*. 2016. № 11. P. 93–95. (In Russ.)
5. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Ju. Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)
6. Lekant P. A. Types and forms of the verb in modern Russian language. Moscow, 1976. 141 p. (In Russ.)
7. Osetrov I. G. Aspects of the syntactic modalities of simple sentences in the modern Russian language. Monograph. Ulyanovsk, 2013. 132 p. (In Russ.)
8. Peshkovskij A. M. Russian syntax in a scientific light. Moscow, 2001. 510 p. (In Russ.)
9. Popova L. V. About the place the copula in the grammatical system of the Russian language. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo*. 2011. № 23. P. 215–218. (In Russ.)
10. Popova L. V. A copula of the grammatical system of the Russian language. Arkhangelsk, 2012. 304 p. (In Russ.)
11. Rudnev D. V. Modal verbs-bundles and their role in shaping semantic reference of the words in complex sentence. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2011. Ser. 9. Issue 1. P. 128–133. (In Russ.)
12. Rudnev D. V. Modal copulas with the meaning of detection in the history of the Russian language. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2014. Ser. 9. Issue 2. P. 80–93. (In Russ.)
13. Skiba Yu. G. Predicative copula as a function word in Russian and Slavic languages: Lecture for the course. Chernovtsy, 1970. 52 p. (In Russ.)
14. Cejtljin S. N. Necessity. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Leningrad, 1990. P. 142–156. (In Russ.)
15. Chernova S. V. Modal verbs in the modern Russian language: Semantic model of the “plan – implementation of plan”: Abstract of Diss. Doctor of Philology. Moscow, 1997. 35 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 06.02.2018